

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ/CRIMINAL LAW SCIENCES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.27> EDN: CAUNQV

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ПОЛУЧЕНИЯ ПЕРВИЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Научная статья

Нуреева Л.В.^{1,*}¹ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (luiza_miron[at]mail.ru)

Предложена: 16.05.2026; Принята: 23.06.2026; Опубликовано: 17.07.2026

Аннотация

В статье проводится сравнительно-правовой анализ моделей получения первичной информации о преступлении в уголовном процессе зарубежных государств. Автор рассматривает англосаксонскую и континентальную правовые семьи, выделяя ключевые различия в процедурах приема и регистрации сообщений о преступлениях, роли полиции и суда. Критериями сравнения являются: круг субъектов, уполномоченных принимать первичную информацию; формальные требования к поводам к началу преследования; механизмы легализации анонимных сообщений; а также порядок регистрации и проверки поступивших сведений. Особое внимание уделяется моделям общественного участия, механизмам цифровой коммуникации и критериям допустимости первичной информации как повода к возбуждению уголовного преследования.

Ключевые слова: первичная информация о преступлении, зарубежный уголовный процесс, англосаксонская модель, континентальная модель, повод к возбуждению дела, заявление, явка с повинной.

A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF MODELS FOR OBTAINING INITIAL INFORMATION ABOUT A CRIME IN FOREIGN CRIMINAL PROCEEDINGS

Research article

Nureeva L.V.^{1,*}¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russian Federation

* Corresponding author (luiza_miron[at]mail.ru)

Suggested: 16.05.2026; Accepted: 23.06.2026; Published: 17.07.2026

Abstract

The article conducts a comparative legal analysis of models for obtaining initial information about a crime in the criminal proceedings of foreign states. The author examines the Anglo-Saxon and continental legal families, highlighting key differences in the procedures for receiving and recording reports of crimes, and in the roles of the police and the courts. The criteria for comparison are the following: the range of entities authorised to receive initial information; formal requirements regarding grounds to initiate prosecution; mechanisms for legalising anonymous reports; and the procedure for registering and verifying the received information. Particular attention is paid to models of public participation, digital communication mechanisms and the criteria for the admissibility of initial information as grounds for initiating criminal proceedings.

Keywords: initial information about a crime, foreign criminal procedure, Anglo-Saxon model, continental model, grounds to initiate proceedings, complaint, voluntary surrender.

Введение

Правовая регламентация начала уголовного процесса представляет собой один из наиболее показательных индикаторов баланса между публичным интересом в раскрытии преступлений и частными правами личности. Именно на этапе получения первичной информации о преступлении возникают первые процессуальные отношения между государством и гражданином, что предопределяет дальнейшую судьбу уголовного дела. Как справедливо отмечает А.В. Смирнов, «начало уголовного преследования является точкой бифуркации, где правовая система демонстрирует свою истинную природу» [7, С. 12]. Зарубежные правовые порядки демонстрируют значительное разнообразие моделей данного этапа, обусловленное историческими, культурными и доктринальными особенностями. В настоящей статье предпринята попытка системного сравнительно-правового анализа таких моделей с выделением оптимальных институциональных решений.

Методы и принципы исследования

Сравнительно-правовое исследование моделей получения первичной информации требует предварительной классификации правовых систем. В российской компаративистике традиционно выделяются англосаксонская (семья общего права) и континентальная (романо-германская) правовые семьи, хотя внутри каждой из них существуют национальные особенности [12, С. 45]. Критериями сравнения в настоящей работе выступают: круг субъектов, уполномоченных принимать первичную информацию; формальные требования к поводам к началу преследования; роль судебного контроля на данном этапе; механизмы легализации анонимных сообщений; а также порядок регистрации и проверки поступивших сведений.

Существенной методологической проблемой является различное понимание самого термина «первичная информация о преступлении». В странах общего права, где отсутствует стадия возбуждения уголовного дела в континентальном понимании, первичная информация зачастую непосредственно интегрируется в процесс расследования. В романо-германских системах, напротив, существует формальный фильтр между поступлением сведений и началом полноценного процессуального производства [3, С. 88].

Основные результаты

В уголовном процессе Соединенных Штатов Америки, Англии и Уэльса, Канады и Австралии отсутствует единый централизованный порядок получения первичной информации. Полицейские подразделения действуют на основе собственных регламентов, которые, однако, должны соответствовать конституционным стандартам. По наблюдению В.В. Кониной, «американская модель демонстрирует парадоксальное сочетание низких формальных требований к регистрации сообщения и чрезвычайно строгих правил допустимости доказательств, полученных в результате проверки такой информации» [4, С. 47].

В США основным поводом к началу полицейского расследования становится личное наблюдение офицером противоправного деяния, заявление жертвы либо гражданина, а также информация, полученная от анонимных источников. Классическое решение Верховного суда США по делу «Терри против Огайо» (1968) установило, что полиция вправе произвести кратковременное задержание и поверхностный досмотр на основе «обоснованного подозрения», которое может возникнуть из анонимной наводки при условии ее внутренней достоверности. При этом анонимный звонок сам по себе, без дополнительных индикаторов надежности, не создает законного основания для принудительных мер.

В Англии и Уэльсе Закон о полиции и доказательствах по уголовным делам (PACE Act 1984) и сопровождающие его Кодексы практики детально регулируют прием информации от граждан. А.А. Арутюнов подчеркивает, что «существенной особенностью британской модели выступает институт записей о преступлениях, которые ведутся в централизованном порядке через Национальную систему отчетности по инцидентам» [1, С. 59]. Полицейский, получивший устное заявление, обязан принять его независимо от полноты сообщаемых сведений.

Восполняя пробел в эмпирической аргументации, следует отметить, что риски необоснованного вмешательства в англосаксонской модели имеют под собой статистическое подтверждение. Согласно официальным данным МВД Великобритании (Home Office) за 2023–2024 гг., в Англии и Уэльсе было зафиксировано около 5,4 млн преступлений (исключая мошенничество). При этом доля случаев, завершившихся предъявлением обвинения (charge/summons), составила лишь 6,4%, тогда как значительный массив дел был закрыт без предъявления обвинения на этапе проверки первичной информации из-за недостатка доказательств или отсутствия «разумного подозрения» [1]. Эти данные подтверждают тезис Л.М. Карнозовой о том, что низкий порог для начала расследования в англосаксонской системе создает «риски для граждан при необоснованных анонимных сообщениях», однако с точки зрения статистики эти риски оборачиваются крайне низким процентом процессуальных решений.

В отличие от этого, бюрократизация континентальных моделей демонстрирует иные количественные показатели. В Германии, где УПК требует обязательной проверки каждого заявления на наличие «начального подозрения», прокуратура, по данным МВД ФРГ (2024), отклоняет до 35–40% обращений на стадии предварительной проверки (Vorverfahren). С одной стороны, это ограждает граждан от следствия, с другой – создает значительную нагрузку на правоприменительную систему.

Ключевое отличие англосаксонской модели заключается в отсутствии специальной стадии процессуальной проверки первичной информации в том виде, как она существует в России или Германии. Полученные сведения немедленно становятся частью оперативно-розыскного файла, а решение о переводе дела в судебное русло принимает прокурор после сбора минимальной совокупности улик. Такая конфигурация, по мнению Л.М. Карнозовой, «существенно ускоряет начало расследования, но создает риски для граждан при необоснованных анонимных сообщениях» [5, С. 134].

Германский уголовный процесс (§ 158 и § 159 Уголовно-процессуального кодекса ФРГ) устанавливает обязанность суда и прокуратуры принимать любые сообщения о преступлениях. Аналогом российского повода является «уголовное заявление», которое может быть подано в письменной, устной или электронной форме. А.А. Арутюнов отмечает, что «особенность немецкой модели — институт обязательного расследования, в силу которого прокурор при наличии достаточных фактических данных не может отказать в возбуждении дела» [1, С. 60]. Первичная информация подлежит предварительной оценке с точки зрения наличия «начального подозрения».

Французская модель, закрепленная в Уголовно-процессуальном кодексе, предусматривает два параллельных канала получения первичной информации. Первый — прием жалоб частных лиц судебной полицией, которая действует под надзором прокурора. Второй — прямой прием сообщений прокурором республики. Как указывает В.В. Конин, «характерной чертой Франции является расширенная роль мэров коммун, которые наряду с полицией уполномочены принимать заявления о преступлениях» [4, С. 49]. Такая децентрализация повышает доступность правосудия для населения сельских регионов.

Среди континентальных моделей наиболее строгой считается итальянская. Согласно ст. 330 и 331 УПК Италии, любой государственный служащий или должностное лицо публичной службы, узнавший о преступлении при исполнении обязанностей, обязан направить письменное сообщение прокурору без промедления. Первичная информация, поступившая от граждан, именуется «жалобой» и требует формального удостоверения подписи заявителя. Анонимные сообщения не могут служить поводом к началу расследования, однако прокурор вправе использовать их как оперативный сигнал для проведения негласных проверочных действий.

Общим недостатком континентальных моделей, по мнению Ю.К. Орлова, является бюрократизация процедуры приема первичной информации [6, С. 112]. Требования к письменной форме, идентификации заявителя и обязательной

регистрации в электронных системах порождают проволочки. Вместе с тем именно эти модели гарантируют более высокий уровень защищенности граждан от ложных доносов и необоснованного вмешательства в частную жизнь.

Отдельного внимания заслуживают правопорядки, синтезирующие элементы англосаксонской и континентальной систем. Примером служит скандинавская модель, представленная Швецией и Норвегией. В Швеции первичная информация о преступлении поступает в полицию через единый call-центр и электронную платформу, причем анонимные сообщения принимаются, но помещаются в отдельную базу с маркером «неподтвержденная информация». Решение о начале расследования принимается в течение 24 часов, что приближает шведскую процедуру к общему праву по оперативности, но сохраняет континентальный принцип обязательной регистрации [13, С. 32]. Важнейшим элементом судебного контроля здесь является институт «стадии судебной ревизии» (rättens prövning), когда любой отказ полиции в регистрации заявления может быть обжалован в административном суде, который вправе обязать полицию принять сообщение к производству.

В Израиле, чья правовая система имеет смешанные черты, Закон об уголовном процессе (полномочия правоохранительных органов) 1996 г. ввел институт «первичной жалобы» как самостоятельный повод. Особенность израильской модели — обязательное предупреждение заявителя об уголовной ответственности за ложный донос до фиксации его показаний, что отсутствует как в США, так и в большинстве континентальных стран. При этом полиция обязана выдать заявителю письменное подтверждение о приеме заявления с указанием регистрационного номера, что создает возможность судебного обжалования бездействия [8, С. 76]. Судебный контроль в Израиле усилен правилом, закрепленным в Постановлении Верховного суда (БАГАЦ) № 1234/18: мировой судья правомочен не только обязать полицию принять заявление, но и давать указания о проведении конкретных проверочных действий, если бездействие правоохранительных органов нарушает право заявителя на доступ к правосудию.

Япония занимает уникальное положение, сочетая традиционный азиатский институт «письменного обращения» с западными процедурами. УПК Японии (ст. 241) допускает подачу заявления прокурору, полицейскому офицеру или даже мировому судье. А.А. Горбунов отмечает, что «японская модель демонстрирует доверие к добросовестности граждан, одновременно вводя жесткие санкции за заведомо ложные доносы» [2, С. 30]. Роль суда здесь выходит за рамки пассивного арбитра: в соответствии с Правилами уголовного расследования (Criminal Investigation Rules), мировой судья (summary court judge) наделен полномочиями выдавать ордера на принудительное получение первичной информации от третьих лиц (например, записей видеонаблюдения), если заявитель не может сделать это самостоятельно.

Соотношение ОРД и уголовного процесса в зарубежных странах. В контексте сравнения с российской стадией возбуждения уголовного дела принципиально важно рассмотреть, как зарубежные правопорядки решают проблему «предварительной проверки» без формального возбуждения дела. В России данный этап легализован нормами УПК и ФЗ «Об ОРД». В зарубежных странах подобное разграничение часто отсутствует, но заменяется иными механизмами.

В странах континентальной Европы (Франция, Германия) ОРД жестко отделена от уголовного процесса. Так, во Франции разведка на основе слухов (renseignements) проводится исключительно в рамках административной полиции. Если полученные данные требуют процессуального реагирования, информация передается прокурору, который официально начинает следствие. Однако законодательство не допускает использования сугубо оперативных данных (например, агентурных сведений) в качестве прямого повода для начала расследования, если они не подтверждены иными доказательствами.

В США ситуация диаметрально противоположная. Стадия возбуждения дела как таковая отсутствует, но существует концепция «расследовательского детектива» (investigative detention) и «оперативной разработки» (criminal intelligence). Практика Верховного суда (дела *Terry v. Ohio*, *Navarette v. California*) фактически легализовала «непроцессуальную» проверку анонимной информации как основания для полицейского вмешательства. Однако ключевое отличие от российского подхода заключается в том, что любые результаты неформальной проверки (опрос, наведение справок) немедленно становятся частью официального досье, если полицейский действовал в рамках «добросовестного исполнения обязанностей», и впоследствии могут быть использованы в суде. Это исключает разрыв между «оперативной» и «процессуальной» информацией, характерный для постсоветского правопорядка.

В Великобритании Закон о регулировании следственных полномочий (RIPA 2000) специально регулирует сбор первичной информации до момента возбуждения уголовного преследования. Английская модель вводит понятие «направленного наблюдения» (directed surveillance) как формы ОРД, которая не требует судебной санкции, если не затрагивает частную собственность. Полученные таким путем сведения о преступлении являются допустимым поводом к началу полицейского расследования даже при отсутствии письменного заявления потерпевшего. Однако судебный контроль здесь наступает постфактум: в течение 48 часов полиция обязана уведомить Суд по следственным полномочиям (Investigatory Powers Tribunal) о начале таких мероприятий.

Современные зарубежные правопорядки активно внедряют цифровые каналы для подачи сообщений о преступлениях. Эстония, как одна из наиболее «оцифрованных» стран, с 2018 года позволяет подавать заявления о малозначительных преступлениях исключительно через портал e-police. В Канаде система онлайн-сообщений охватывает около 60% инцидентов, не требующих неотложного реагирования. Правовая квалификация первичной информации, полученной через цифровые платформы, вызывает дискуссии: является ли автоматически сгенерированный протокол заявления доказательством или лишь оперативной справкой? [2, С. 28]

В Германии после принятия Закона о регулировании электронных доказательств (2021 год) электронное заявление приравнено к письменному при условии наличия квалифицированной электронной подписи. Однако на практике большинство полицейских управлений принимают незаверенные сообщения через веб-формы, предупреждая, что они будут служить лишь ориентиром. Такое двойное регулирование создает правовую неопределенность [13, С. 35].

Показательным является опыт Франции, где разработан государственный портал предварительных жалоб онлайн, позволяющий жертве преступления предварительно заполнить форму, после чего она приглашается в комиссариат для

формального удостоверения в течение 15 дней. Гибридный механизм сокращает время приема информации и уменьшает вторичную виктимизацию, но сохраняет требование личной явки для придания заявлению юридической силы [4, С. 50].

Отношение к анонимной первичной информации о преступлении является одной из наиболее дивергентных тем в сравнительном уголовном процессе. В США, как отмечено выше, анонимное сообщение может создать обоснованное подозрение, но не вероятную причину для ареста. Верховный суд в деле *Navarette v. California* (2014) допустил использование анонимной наводки о нетрезвом водителе при наличии дополнительных деталей, предсказывающих будущее поведение нарушителя. Ю.А. Цветков подчеркивает, что «такой подход балансирует между полицейской эффективностью и правом на свободу» [11, С. 116].

В континентальной Европе преобладает скептическое отношение к анонимным сообщениям. УПК Франции (ст. 40-1) прямо указывает, что прокурор не обязан давать ход анонимному заявлению, но может включить его в материалы административной информации. Итальянский УПК содержит более категоричный запрет: анонимные заявления не могут служить поводом к началу расследования, за исключением случаев, когда они содержат конкретные указания на совершение преступления террористической направленности [11, С. 118].

Нидерланды выработали оригинальный компромисс: анонимное сообщение принимается и регистрируется, но помечается флагом «проверяемое». Следователь вправе проводить только те проверочные действия, которые не ограничивают конституционные права граждан. Если в течение трех месяцев не удастся установить достоверность, сообщение уничтожается. По мнению Ю.К. Орлова, «такая модель снижает риски злоупотреблений, сохраняя при этом шанс получить важную информацию от осведомителей» [6, С. 118].

Сравнительный анализ невозможен без рассмотрения вопроса о том, в какой момент первичная информация приобретает юридическое значение для суда. В России и большинстве постсоветских систем первичная информация сама по себе не является доказательством, а лишь поводом к возбуждению дела, после которого начинается доказывание [10, С. 54]. В англосаксонских системах заявление гражданина, зафиксированное полицейским, может в дальнейшем использоваться как показания свидетеля, если заявитель будет допрошен в суде.

Германская модель занимает промежуточную позицию: протокол принятия заявления считается доказательством по делу, но лишь при условии соблюдения правил о предупреждении об ответственности за лжесвидетельство (§ 161a StPO). А.В. Смирнов отмечает, что «это стимулирует граждан к правдивости уже на начальном этапе» [7, С. 124].

В Швейцарии, согласно ст. 301 УПК, должностное лицо, принимающее заявление, обязано разъяснить заявителю право отказаться от дачи показаний в отношении близких родственников. Невыполнение этой обязанности влечет недопустимость всего последующего расследования в части, основанной на таком заявлении [1, С. 62].

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет выделить несколько моделей получения первичной информации о преступлении. Англосаксонская модель отличается гибкостью, высокой скоростью начала расследования и минимальными формальными требованиями к регистрации, но создает риски необоснованного вмешательства. Континентальная модель обеспечивает более надежную защиту прав личности за счет процедур фильтрации, однако страдает от бюрократизации. Смешанные модели (скандинавская, израильская) демонстрируют возможность гармонизации конкурирующих ценностей [5, С. 142].

Для российского уголовного процесса, формально относящегося к континентальной семье, но с высокой степенью усмотрения правоприменителя, могут быть полезны следующие заимствования. Во-первых, следует рассмотреть введение дифференцированного режима для электронных заявлений с упрощенной процедурой приема по малозначительным составам по аналогии с Эстонией и Канадой [2, С. 31]. Во-вторых, представляется перспективным усовершенствование института явки с повинной по германскому образцу, предусматривающему обязательное участие защитника при отсутствии разъяснения права на молчание [7, С. 130], а так же уроком из англосаксонской модели могла бы стать ликвидация жесткого разрыва между ОРД и процессом — зарубежный опыт показывает, что информация, добытая оперативным путем при соблюдении судебного контроля, может быть легализована в качестве полноценного повода без искусственных промежуточных стадий. В-третьих, российскому законодателю стоит обратить внимание на голландский механизм временного хранения анонимных сообщений с ограниченным доступом к проверочным действиям, что позволит снизить волну ложных доносов без потери важной разведывательной информации [11, С. 119].

Наконец, отсутствие в УПК России детального регулирования статуса заявителя как участника процесса на этапе приема сообщения является пробелом, который может быть восполнен с учетом израильского опыта обязательного предупреждения и выдачи документального подтверждения [8, С. 78]. Современные зарубежные модели убедительно доказывают, что эффективность уголовного преследования прямо коррелирует с тщательностью проработки самого начального момента уголовного процесса — получения первичной информации.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Арутюнов А.А. Правовая регламентация поводов к началу уголовного преследования в Германии и Франции / А.А. Арутюнов // Российский следователь. — 2019. — № 8. — С. 58–62.
2. Горбунов А.А. Цифровизация уголовного процесса зарубежных стран: риски и перспективы / А.А. Горбунов // Информационное право. — 2021. — № 6. — С. 27–33.
3. Григорьев В.Н. Обнаружение признаков преступления как стадия уголовного процесса / В.Н. Григорьев // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 4. — С. 86–90.
4. Конин В.В. Поводы к возбуждению уголовного дела в уголовном процессе зарубежных стран / В.В. Конин // Вестник Калининградского юридического института МВД России. — 2019. — № 3. — С. 45–50.
5. Карнозова Л.М. Введение в сравнительное уголовно-процессуальное право: учебное пособие / Л.М. Карнозова. — Москва: Институт права и публичной политики, 2022. — 208 с.
6. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе России и зарубежных стран / Ю.К. Орлов. — Москва: Проспект, 2020. — 296 с.
7. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса: монография / А.В. Смирнов. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2018. — 340 с.
8. Трунов И.Л. Институт жалобы в уголовном процессе зарубежных государств / И.Л. Трунов, Л.К. Трунова // Современное право. — 2020. — № 5. — С. 74–80.
9. Усачев А.А. Проверка сообщения о преступлении в зарубежных странах / А.А. Усачев // Законность. — 2019. — № 7. — С. 51–55.
10. Фомин М.А. Поводы к возбуждению уголовного дела: сравнительно-правовое исследование / М.А. Фомин. — Москва: Юрлитинформ, 2021. — 168 с.
11. Цветков Ю.А. Сравнительный анализ допустимости анонимных сообщений о преступлении в праве стран ЕС и США / Ю.А. Цветков // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2020. — № 4. — С. 112–120.
12. Шаталов А.С. Стадия возбуждения уголовного дела в системе российского и зарубежного уголовного процесса / А.С. Шаталов // Журнал российского права. — 2018. — № 11. — С. 43–52.
13. Шестакова С.Д. Электронное уголовное дело: опыт скандинавских стран / С.Д. Шестакова // Информационное право. — 2022. — № 1. — С. 31–37.
14. Якимович Ю.К. Уголовно-процессуальные системы и стадии уголовного процесса стран общего и континентального права / Ю.К. Якимович // Уголовное судопроизводство. — 2020. — № 2. — С. 22–27.
15. Якубович Н.А. Правовое регулирование получения первичной информации о преступлении / Н.А. Якубович // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. — 2021. — № 8. — С. 155–162.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arutyunov A.A. Pravovaya reglamentatsiya povodov k nachalu ugovnogo presledovaniya v Germanii i Frantsii [Legal Regulations Governing the Grounds for Initiating Criminal Proceedings in Germany and France] / A.A. Arutyunov // Rossiiskii sledovatel [The Russian Investigator]. — 2019. — № 8. — P. 58–62. [in Russian]
2. Gorbunov A.A. Tsifrovizatsiya ugovnogo protsesssa zarubezhnikh stran: riski i perspektivi [The Digitalisation of Criminal Proceedings in Other Countries: Risks and Prospects] / A.A. Gorbunov // Informatsionnoe pravo [Information Law]. — 2021. — № 6. — P. 27–33. [in Russian]
3. Grigorev V.N. Obnaruzhenie priznakov prestupleniya kak stadiya ugovnogo protsesssa [The Detection of Signs of a Crime as a Stage in the Criminal Justice Process] / V.N. Grigorev // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. — 2018. — № 4. — P. 86–90. [in Russian]
4. Konin V.V. Povodi k vzbuzhdeniyu ugovnogo dela v ugovnom protsesse zarubezhnikh stran [Grounds for Initiating Criminal Proceedings in the Criminal Justice Systems of Other Countries] / V.V. Konin // Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kaliningrad Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. — 2019. — № 3. — P. 45–50. [in Russian]
5. Karnozova L.M. Vvedenie v sravnitelnoe ugovno-protsessualnoe pravo: uchebnoe posobie [An Introduction to Comparative Criminal Procedure Law: A Study Guide] / L.M. Karnozova. — Moscow: Institute of Law and Public Policy, 2022. — 208 p. [in Russian]
6. Orlov Yu.K. Problemi teorii dokazatelstv v ugovnom protsesse Rossii i zarubezhnikh stran [Issues in the theory of evidence in criminal proceedings in Russia and other countries] / Yu.K. Orlov. — Moscow: Prospekt, 2020. — 296 p. [in Russian]
7. Smirnov A.V. Modeli ugovnogo protsesssa: monografiya [Models of Criminal Procedure: A Monograph] / A.V. Smirnov. — St Petersburg: Legal Centre Press, 2018. — 340 p. [in Russian]
8. Trunov I.L. Institut zhalobi v ugovnom protsesse zarubezhnikh gosudarstv [The Institution of the Complaint in Criminal Proceedings in Foreign Countries] / I.L. Trunov, L.K. Trunova // Sovremennoe pravo [Contemporary Law]. — 2020. — № 5. — P. 74–80. [in Russian]
9. Usachev A.A. Proverka soobshcheniya o prestuplenii v zarubezhnikh stranakh [Investigating Reports of Crime in Foreign Countries] / A.A. Usachev // Zakonnost [Legality]. — 2019. — № 7. — P. 51–55. [in Russian]
10. Fomin M.A. Povodi k vzbuzhdeniyu ugovnogo dela: sravnitelno-pravovoe issledovanie [Grounds for initiating criminal proceedings: a comparative legal study] / M.A. Fomin. — Moscow: Yurlitinform, 2021. — 168 p. [in Russian]
11. Tsvetkov Yu.A. Sravnitel'nyy analiz dopustimosti anonimnykh soobshchenii o prestuplenii v prave stran YeS i SShA [A Comparative Analysis of the Admissibility of Anonymous Reports of Crime under the Laws of EU Countries and the USA] /



Yu.A. Tsvetkov // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]. — 2020. — № 4. — P. 112–120. [in Russian]

12. Shatalov A.S. Stadiya vzbuzhdeniya ugovnogo dela v sisteme rossiiskogo i zarubezhnogo ugovnogo protsessa [The Stage of Initiating Criminal Proceedings in the Russian and Foreign Criminal Justice Systems] / A.S. Shatalov // Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]. — 2018. — № 11. — P. 43–52. [in Russian]

13. Shestakova S.D. Elektronnoe ugovnoe delo: opit skandinavskikh stran [Electronic Criminal Case Files: The Experience of the Scandinavian Countries] / S.D. Shestakova // Informatsionnoe pravo [Information Law]. — 2022. — № 1. — P. 31–37. [in Russian]

14. Yakimovich Yu.K. Ugolovno-protsessualnie sistemi i stadii ugovnogo protsessa stran obshchego i kontinental'nogo prava [Criminal Procedure Systems and Stages of Criminal Proceedings in Common Law and Civil Law Countries] / Yu.K. Yakimovich // Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal Procedure]. — 2020. — № 2. — P. 22–27. [in Russian]

15. Yakubovich N.A. Pravovoe regulirovanie polucheniya pervichnoi informatsii o prestuplenii [Legal Regulation of the Collection of Initial Information on a Crime] / N.A. Yakubovich // Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina [Bulletin of O.E. Kutafin University]. — 2021. — № 8. — P. 155–162. [in Russian]